Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Новые исследования в ближнем предместье Феодосии

М. М. Ахмадеева¹

Аннотация. В статье приводятся первые результаты работ экспедиции Государственного Эрмитажа в ближайшем предместье античной Феодосии. В ходе исследования сооружения, обнаруженного в 80-е гг. XX в., открыта часть крупной постройки IV в. до н. э.

Annotation. The article provides first results of works of expedition of the State Hermitage carried out in the neighbouring outskirts of Theodosia. During further examination of a building found in the 1980s a part of a big building of the 4th century BC was unearthed.

Ключевые слова: античность, Феодосия, ближняя округа, IV в. до н. э.

Keywords: the ancient world, Theodosia, neighbouring outskirts, 4th century BC.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-33-42

Античную Феодосию можно назвать своего рода «белым пятном» на археологической карте Боспорского царства, поскольку этот крупный в древности полис и по сей день остается практически неизученным. Из истории изучения древностей Юга России мы знаем, что археологические исследования Феодосии были начаты в середине XIX в. с раскопок курганного могильника. Здесь можно упомянуть работы Е. Ф. де Вильнева и А. А. Сибирского, И. К. Айвазовского, А. Е. Люценко (Петрова, 2000. С. 17–21; Катюшин, 2007. С. 5; Тункина, 2011. С. 189–222). В течение следующего столетия Феодосия и ее ближайшая округа становились объектом внимания исследователей лишь эпизодически. В 1930-х гг. здесь проводились изыскания экспедиции ГАИМК по изучению водоснабжения древнего Крыма (Отчет, 1934; Данилевский, 1936; Ахмадеева, 2018; Панкратова, 2018. С. 80; Ахмадеева, 2019). Дважды — в 1950-х и в 1970-х гг. — на территории Карантинного холма, то есть городища

Феодосии, кратковременно работала экспедиция Феодосийского музея при участии ИИМК АН СССР (Зеест, 1953) и экспедиция ИА АН СССР (Петерс, Голенцов, 1981). Ближайшая округа исследовалась экспедицией Феодосийского краеведческого музея под руководством Е. А. Катюшина в течение нескольких полевых сезонов в 1970–1980 гг., а также в 1994 г. (Катюшин, 1977, 1978, 1979, 1982, 1994; Бейсанс и др., 1997; Ахмадеева, 2019). Хора Феодосии стала известна чуть лучше благодаря систематическим исследованиям А. В. Гаврилова (Гаврилов, 2004), однако сколько-нибудь целостного представления об этом важнейшем для истории античного Боспора центре в современной археологической науке до сих пор нет.

С целью восполнить этот пробел в 2017 г. была организована Феодосийская археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа. Одним из основных направлений ее работы стало изучение территории на северном склоне хребта Тепе-Оба, предварительно отнесенной к городскому некрополю. Исследуемый район представляет собой участок, примыкающий с запада

¹ Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: akhmadeeva@hermitage.ru.

Рис. 1. Феодосия, южное предместье. Раскоп А. Раскопки Е. А. Катюшина, 1982 г. План (Катюшин, 1982)

Fig. 1. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A. Excavations of E. A. Katiushin, 1982. Plan (Катюшин, 1982)

к глубокой, до 35 м, так называемой Генуэзской балке. Это относительно ровное плато с уклоном в северо-восточном направлении, рельеф которого был несколько нарушен террасами и неглубокими параллельными бороздами в результате лесоустроительных работ. На поверхности западного очень пологого склона балки был зафиксирован многочисленный подъемный материал, что в свое время побудило Е. А. Катюшина начать здесь небольшие разведочные исследования. Раскоп А общей площадью 36 м² был заложен им на небольшом высоком мысу, на самом краю балки в 1982 г. (Катюшин, 1982). В результате удалось открыть угол небольшого прямоугольного сооружения, где между кладками А и В была встроена платформа, забутованная мелким камнем (рис. 1).

Кладка А, ориентированная по линии юго-запад—северо-восток, была исследована

в длину на 5,6 м. Она продолжалась за пределы раскопа как в северо-восточном, так и юго-западном направлении. Сохранившаяся высота кладки — 2–3 ряда. Встык к южному фасу кладки А была пристроена перпендикулярная ей кладка В, аналогичная по своему устройству и основным параметрам. Кладка В исследована в длину на 4,8 м и сохранилась до 4–5 рядов в высоту (около 1 м). К западному фасу кладки В встык пристроена кладка Б общей длиной 3,5 м и шириной 0,6 м. В отличие от всех остальных открытых раскопками конструкций, она сложена из двух рядов прекрасно обработанных известняковых блоков. Нижний ряд состоит из трех массивных квадратов высотой около 0,2 м, верхний ряд сложен из шести блоков высотой до 0,14 м. При этом нижний ряд выступает вперед относительно верхнего на 0,06 м (рис. 2). Под прямым углом к ней примыкает кладка Г, сохранившаяся до двух рядов в высоту и сложенная, судя по всему, на одно лицо. Пространство между этими кладками забутовано обломками известняка в виде каменной платформы, размеры которой достигают 4,2 × 2,7 м.

Е. А. Катюшин полагал, что всё сооружение было возведено в несколько этапов, на последнем из которых, очевидно, и была построена каменная платформа с «парадной» кладкой Б и замыкающей контур кладкой Г. Исследователь датировал эту конструкцию III в. до н. э., однако отмечал значительное присутствие более ранних материалов. Среди них присутствуют несколько фрагментов чернолаковых сосудов, относящихся к рубежу V–IV вв. до н. э. Пытаясь интерпретировать открытое сооружение, Е. А. Катюшин в первую очередь связал его с феодосийским некрополем, исходя из расположения памятника поблизости от известных погребальных комплексов. Назначение постройки установить не удалось, однако наличие «главной» парадной кладки позволило предположить симметричность всего сооружения и гипотетически видеть в нем часть ансамбля пропилеев городского некрополя (Катюшин, 1982. С. 15).

Очевидно, что сооружение в свое время было исследовано далеко не полностью —

Рис. 2. Феодосия, южное предместье. Раскоп А. Раскопки Е. А. Катюшина, 1982 г.
Вид с юга (Катюшин, 1982)

Fig. 2. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A. Excavations E. A. Katiushin, 1982.
View from the South (Катюшин, 1982)

неясны его назначение и планировка в целом. В связи с этим одной из первоочередных задач, стоящих перед Феодосийской экспедицией Гос. Эрмитажа, является исследование этого интересного объекта. На первом этапе, в течение трех сезонов в 2017–2019 гг. были проведены комплексные разведочные работы. Сопоставление результатов археологических разведок, шурфовок, геодезических работ и ряда геофизических изысканий с данными раскопа 1982 г. позволяет утверждать, что на данном участке определенно фиксируются следы довольно плотной застройки на большой площади, ориентированной по линии северо-запад—юго-восток, параллельно западному склону Генуэзской балки. Эту застройку предварительно можно датировать в пределах IV–III вв. до н. э.

В сезоне 2019 г. экспедиция, приступая к исследованию строительного комплекса

1982 г., начала работы по расчистке площади раскопа А, для чего в первую очередь были восстановлены границы раскопа. Это стало возможно, поскольку угол кладок А и В хорошо виден на поверхности. После первичной расчистки раскопа выяснилось, что, к сожалению, последние 40 лет не прошли для него бесследно. Квадровая кладка Б была полностью разобрана: на месте не сохранилось ни одного ее камня. Точно так же оказалась полностью разобрана и ограничивающая платформу с запада кладка Г, с той лишь разницей, что все хорошо обработанные блоки, составлявшие кладку Б, были унесены, вероятнее всего, для использования в хозяйственных целях, а большинство камней кладки Г находились здесь же. Вся западная часть раскопа А довольно сильно пострадала: юго-западный угол раскопа, между кладкой Г и западным бортом, был использован в качестве

большой мусорной ямы, диаметром около 1,2 м и глубиной до 0,7 м. Яма была заполнена обычным бытовым мусором 1980–1990-х гг., по большей части битым стеклом и полиэтиленом. Здесь же была захоронена довольно крупная собака. Восточная половина раскопа А также пострадала: была разобрана часть каменной платформы близ кладки В. Сама эта кладка, открытая в 1982 г. на высоту до пяти рядов, на момент расчистки в сезоне 2019 г. насчитывала в лучшем случае два ряда. Пространство, прилегающее к восточному фасу кладки В, также было использовано для свалки бытового мусора, хотя, к счастью, не так интенсивно, как в западной части раскопа. В целом нужно отметить, что, несмотря на усилия экспедиции Феодосийского музея по консервации открытых сооружений, а именно по закреплению кладок и камней платформы строительным раствором и присыпке бортов, раскоп А за прошедшие несколько десятилетий пришел в достаточно плачевное состояние.

Помимо фиксации очевидных повреждений, в ходе расчистки раскопа А были получены новые данные относительно исследуемой постройки. Прежде всего, был открыт фундамент квадратной кладки Б, сложенный из небольших плоских камней. Кроме того, вопреки представлениям о том, что кладки А и В возведены на материке, выяснилось, что их подошвы пока еще не открыты. В связи с этим были продолжены исследования к востоку от кладки В. Этот участок расположен между восточным фасом кладки В и краем мыса, довольно резко переходящим в склон балки. При разборке слоя плотного светло-желтого суглинка на данном участке был обнаружен ряд находок, позволяющих предварительно оценить время функционирования кладки В. Это прежде всего фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом [ἐ]πί Δημο / [κρά]τεος Σι(---) (рис. 3, 1). Оно принадлежит магистрату Демократу, относимому к поздней магистратской группе V, хронологические рамки которой определяют в пределах 325–306 гг. до н. э. (группа VA, *Кац*, 2007. С. 243. Прил. V-6. С. 430) либо

серединой 320-х гг. до н. э. (группа VB, *Федосеев*, 2016. С. 61). В фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника хранятся несколько аналогичных клейм, происходящих из раскопок Пантикапея и поселения Генеральское-Западное (*Федосеев*, 2016. С. 61–62, № 315–320). Практически идентичный оттиск был найден при раскопках поселения Новопокровка I, относящегося к хоре Феодосии (*Гаврилов*, 2011. С. 105, № 272). Морфологические характеристики массивного, четко профилированного венчика позволяют отнести его к биконическому типу III гераклейской тары (*Монахов*, 2003. С. 140–142, табл. 98).

В отношении датировки представляет интерес и находка фрагмента миниатюрной чернолаковой аттической миски на широком поддоне (рис. 3, 2). На внутренней поверхности донца аккуратно нанесен штампованный орнамент в виде пальметок, на внешней стороне его процарапано числовое граффито. Подобные сосуды представляют собой массовую продукцию аттических мастерских, широко распространенную в позднеклассическое-раннеэллинистическое время. Издатели материалов Афинской Агоры относят ближайшие нашему сосуду аналогии к периоду от третьей четверти IV в. до н. э. (*Sparks, Talcott*, 1970. № 887. Р. 299, fig. 9) до первой четверти III в. до н. э. (*Rotroff*, 1997. № 1057, 1059. Р. 345, pl. 78, fig. 65). Последней четвертью IV в. до н. э. датируется и похожий сосуд, обнаруженный в 1979 г. при раскопках Центрального раскопа Пантикапея (*Егорова*, 2017. Кат. № 143. С. 83, рис. 15, табл. 30). Ряд характерных признаков, таких как основные пропорции, характер лакового покрытия, желобок на широком поддоне, оставленные в цвете глины поверхность поддона и полоса на месте стыка поддона и тулова, заставляют отнести феодосийский сосуд к ранней группе данного типа аттического импорта и определить его дату рубежом третьей и последней четвертей IV в. до н. э.

Мощность исследованного в сезоне 2019 г. слоя на данном участке составила до 0,5 м, при этом уровень подошвы кладки В всё еще не достигнут. С учетом данных 1982 г. ее выявленная высота составила почти

Рис. 3. Феодосия, южное предместье. Раскоп А, исследования 2019 г. Находки: 1 — фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом; 2 — фрагмент миниатюрной чернолаковой миски; 3, 4 — бронзовые наконечники стрел. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3, 4

Fig. 3. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A, examinations of 2019. Finds: 1 — fragment of a Herakleian amphora neck with a stamp; 2 — fragment of a tiny black-glazed bowl; 3, 4 — bronze arrowheads. Scale: a — for 1, 2; б — for 3, 4

1,2 м. Длина кладки В превышает 5 м, ширина составляет 0,7 м. При этом она продолжается за пределы раскопа в южном направлении. Кладка двухлицевая, трехслойная, сложена из колотых камней плотного известняка.

В южной части раскопа А был вскрыт небольшой участок культурного слоя, подстилающего основание кладок Б, Г и всей каменной «платформы». При его разборке обнаружены фрагменты амфор, по большей части гераклейских и синопских, которые в целом относятся к IV в. до н. э. Гераклейскому же производству принадлежит и редкая находка стенки пифоса со следами ремонта, для чего была использована массивная свинцовая скоба. Среди других находок стоит отдельно

упоминать обломок крупного пифоса с рифленой лощеной поверхностью². Сосуд изготовлен из сырья, совершенно нехарактерного ни для боспорского, ни для южнопонтского керамического производства: это светло-коричневое глиняное тесто, с сероватым закалом и очень большим количеством светлых минеральных включений, среди которых довольно крупные обломки мергеля.

Особо следует отметить находку двух бронзовых наконечников стрел, обнаруженных в 1 м к югу от фундамента кладки Б (рис. 3, 3, 4). Один из них трехгранный, длиной 2,2 см, второй — трехлопастной, чуть

² Фрагмент этого же сосуда был найден в 1982 г.

крупнее — 3,2 см. По классификации А. И. Мелюковой подобные наконечники относят к четвертой хронологической группе и обычно датируют IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964. Табл. 9, Н, № 1, 2, 4).

Как уже отмечалось, восточная часть каменной «платформы» была сильно повреждена, поэтому ее забутовка здесь частично разобрана и зачищен полученный разрез. Выяснилось, что «платформа» сформирована из камней плотного известняка, уложенных без какого-либо порядка. Основание ее находится на одном уровне с подошвами кладок Б и Г. Общая мощность забутовки составляет 0,4 м.

Расчистка наиболее пострадавшей, западной, части раскопа А показала, что, как и в случае с кладкой В, подошва кладки А не достигнута, при этом высота ее южного фаса, открытая в 2019 г., достигает 1 м. Длина кладки А в пределах раскопа насчитывает 9 м, причем она, очевидно, продолжается как в западном, так и в восточном направлении. Об этом свидетельствуют несколько камней, открытых в ходе расчистки. Ширина кладки составляет 0,65–0,70 м. По своему устройству она аналогична кладке В: двухлицевая, трехслойная с забутовкой, иррегулярная, сложена из колотых камней плотного известняка.

С целью исследования западной части постройки была заложена небольшая прирезка, ориентированная не по сторонам света, а параллельно трассе кладки А. В ходе раскопок на этом участке открыта кладка № 3, примыкающая к кладке А с запада, а также перпендикулярная ей кладка № 2. Эти конструкции были перекрыты мощным слоем каменного завала, верхние камни которого были открыты сразу же под тонким дерновым слоем. Завал состоит из колотых обломков плотного известняка средними размерами 0,10 × 0,15 × 0,20 м, среди которых нередко встречаются крупные камни размерами 0,3 × 0,3 × 0,4 м с одной-двумя ровными гранями. Мощность завала в целом соответствует рельефу участка и уменьшается в северном направлении с 0,4 до 0,2 м. Максимальная плотность его фиксируется в западной части раскопа, где он

состоит в основном из крупных камней, в отличие от остальной площади. При разборке каменного завала среди немногочисленных обломков керамики был обнаружен фрагмент чернолаковой миниатюрной миски с неясным граффито на внутренней стороне (рис. 4, 1) и около десятка фрагментов красноглиняного столового кувшина (рис. 4, 2). Непосредственно под камнями завала были найдены фрагмент сероглиняного закрытого светильника (рис. 4, 3), стенка краснофигурного сосуда, оббитая и заглаженная ножка хиосской колпачковой амфоры, небольшой бронзовый гвоздик и фрагмент бронзового перстня с плавно переходящей в уплощенный щиток шинкой (рис. 4, 4). Все эти находки можно в целом отнести к IV в. до н. э. Однако для датировки каменного завала особое значение имеет находка боспорского медного халка типа «голова безбородого сатира вправо — лук, горит, PAN-TI» (рис. 4, 5). Чекан этих монет относят ко времени правления Перисада I и датируют в пределах 320–310 гг. до н. э. (Анохин, 2011. № 1025. С. 151). Таким образом, можно утверждать, что стены постройки были разрушены не ранее чем в последней четверти IV в. до н. э., скорее, ближе к концу столетия.

После разборки каменного завала была открыта кладка № 3, примыкающая к кладке А с запада (рис. 5). Несмотря на полностью совпадающую трассу, стало очевидно, что западная часть стены по своим характеристикам существенно отличается от кладки А. В отличие от последней, кладка № 3 сложена из крупных, очень хорошо обработанных камней плотного светлого известняка, средние размеры которых составляют 0,4–0,6 × 0,4 м. Ширина ее достигает 0,9 м, длина — 6,5 м. Кладка двухлицевая, трехслойная, с забутовкой более мелкими камнями, между которыми фиксируется чистый глинистый раствор почти белого цвета. Конструкция кладки сложная: в западной части южный ее фас укреплен двумя орфостатами, кроме того, часть камней северного фаса выдвинута вперед на 0,2 м, а камень, образующий западный торец кладки, — на 0,4 м. Более

Рис. 4. Феодосия, южное предместье. Раскоп А, исследования 2019 г. Находки: 1 — фрагмент миниатюрной чернолаковой миски; 2 — фрагменты красноглиняного кувшина; 3 — фрагмент серо-глиняного светильника; 4 — фрагмент бронзового перстня; 5 — медный халк, Перисад I. Масштаб: а — для 1-3; б — для 4, 5

Fig. 4. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A, examinations of 2019. Finds: 1 — fragment of a tiny black-glazed bowl; 2 — fragments of a red ware jar; 3 — fragment of a grey ware lamp; 4 — fragment of a bronze ring; 5 — copper hulk, Paerisades I. Scale: a — for 1-3; б — for 4, 5

Рис. 5. Феодосия, южное предместье. Раскоп А, исследования 2019 г. Общий вид

Fig. 5. Theodosia, southern outskirts. Excavation area A, examinations of 2019. General view

того, к северному фасу кладки № 3 примыкают два очень крупных грубо отесанных блока размерами $1,0 \times 1,1 \times 0,9$ м и третий, чуть меньше, — $0,7 \times 0,7 \times 0,6$ м. Верхние их части были видны на поверхности участка еще до начала раскопок. Эти массивные блоки стоят на плоских камнях кладки № 3, а не наоборот, кладка пристроена к ним с юга. Относительно трассы стены они выдвинуты вперед на 0,7 м. Грани блоков, пространство между которыми забутовано мелкими камнями, образуют почти ровную линию, чего не могло быть при случайном сдвиге. Исходя из этого можно предположить, что первоначально они входили в структуру и, возможно, служили чем-то вроде контрфорса.

Вторая из открытых на участке прирезки конструкций — кладка № 2, ограничивающая всё сооружение с запада. Она регулярная, однослойная, двухлицевая, сложена из тщательно обработанных блоков размерами порядка $0,6\text{--}0,7 \times 0,8$ м. Ширина кладки составляет 0,8 м, а ее длина до южного борта раскопа достигает 2,8 м. Высота хорошо подогнанных друг к другу блоков составляет как минимум 0,5 м, хотя полностью открыт пока только один из них. Следует отметить, что вследствие смещения углового камня в месте соединения кладок № 2 и № 3 образовался разрыв, заполненный упавшими камнями.

На многих камнях кладок № 2 и № 3 видны следы подтёски в виде тонких полос, при этом везде они расположены параллельно и под одним и тем же углом. В данном случае можно говорить о том, что окончательная обработка камней велась уже на месте, после их установки. Эта деталь еще раз подтверждает предположение о синхронности возведения кладок № 2 и № 3.

Существенная разница основных характеристик кладок А и № 3 — в технике постройки и размерах, а также характере их соединения, при котором мелкие камни кладки А расположены поверх плоско уложенных крупных камней кладки № 3, — красноречиво свидетельствует в пользу того, что относительно узкая и небрежно сложенная кладка А была пристроена к массивной капитальной кладке № 3 с востока.

Учитывая близость основных параметров кладок № 2 и № 3 при очевидном их отличии от конструкций восточной части раскопа, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующую последовательность возведения исследуемой нами части постройки: наиболее ранними являются кладки № 2 и № 3, к последней с востока была пристроена кладка А и примыкающая к ней с юга кладка В, после чего в углу между ними была возведена каменная «платформа» и ограничивающие ее кладки Б и Г. Время этих перестроек пока установить сложно, однако на сегодняшний момент можно утверждать, что все находки, происходящие из раскопок строительного комплекса, укладываются в диапазон конца V в. до н. э. — конца IV в. до н. э.

Давая общую характеристику находок, обнаруженных при исследовании сооружения, можно отметить следующие особенности. При относительной немногочисленности керамического комплекса необычно большое число фрагментов принадлежит пифосам: всего на участке было найдено более 170 таких обломков. На основании визуальных характеристик керамического теста и способов обработки поверхности из их общего числа удалось выделить как минимум три сосуда, которым принадлежало около сотни обломков. Стоит отметить, что два пифоса с большой долей вероятности могут быть отнесены к гераклеяскому производству, а глиняное тесто третьего визуально практически не отличается от глины синопских амфор. К продукции Синопы принадлежат и все обломки строительной черепицы, за исключением единственного фрагмента боспорского калиптера. В составе комплекса керамической тары около половины определимых фрагментов амфор принадлежит сосудам хиосского производства, оставшуюся половину примерно в равных частях составляют фрагменты синопских и гераклеяских амфор. Еще одна особенность — высокое качество лепной керамики. Количество ее фрагментов очень невелико, однако практически все они принадлежат сосудам, изготовленным из хорошо подготовленной керамической

массы, скорее всего с применением поворотного столика либо доработкой на гончарном круге, с ровными стенками и тщательно обработанной лощеной поверхностью.

Таким образом, в ходе раскопок была открыта северная часть крупного сооружения позднеклассического времени, размеры которой составили 16,5 × 5,5 м. Определить

назначение этой постройки на данном этапе не представляется возможным. Очевидно лишь то, что она входила в структуру застройки предместья античной Феодосии позднеклассического времени, комплексное исследование которого станет первостепенной задачей экспедиции Гос. Эрмитажа в ближайшие годы.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев: ИД «Стилос», 2011. 328 с.

Ахмадеева, 2018 — Ахмадеева М. М. Погребальные традиции Феодосии классического времени и технические инновации инженера Ф. И. Зибольда // XIX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е. А., 2018. С. 24–31.

Ахмадеева, 2019 — Ахмадеева М. М. Полтора века исследований некрополя античной Феодосии // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 60–69.

Бейсанс и др., 1997 — Бейсанс Д., Жиода А., Морель Ж.-П., Катюшин Е. А., Евсеев А. А. Раскопки на окраине Феодосии // Археологические исследования в Крыму: Сб. науч. тр. / Ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Сонат, 1997. С. 54–57.

Гаврилов, 2004 — Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 68 с.

Гаврилов, 2011 — Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Донецк: Донбасс, 2011. 348 с. (Археологический альманах. № 24).

Данилевский, 1936 — Данилевский В. В. О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1935 году. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1-1935. Д. 10, 84; ФО. О. 1158.

Егорова, 2017 — Егорова Т. В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государствен-

ного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина: Научный каталог. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017. 203 с.

Зеест, 1953 — Зеест И. Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 143–148.

Катюшин, 1977 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1977 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 26671. НА-369.

Катюшин, 1978 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отряда Феодосийского краеведческого музея в 1978 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 28051. НА-426.

Катюшин, 1979 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отряда Феодосийского краеведческого музея в 1979 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 53957. НА-514.

Катюшин, 1982 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии археологического отряда Феодосийского краеведческого музея в 1982 году // Научный архив Феодосийского музея древностей.

Катюшин, 1994 — Катюшин Е. А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии в 1994 году // Научный архив Феодосийского музея древностей. № 641/674.

Катюшин, 2007 — Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе: исторический очерк. Феодосия: Арт Лайф, 2007. 176 с.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).

Мелюкова, 1964 — Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 112 с. (САИ. Д1-4).

- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров — экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Изд-во Саратовского ГУ, 2003. 352 с.
- Отчет, 1934 — О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1934 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1-1934. Д. 205-209, 210а; Р-І, Арх. 1000, инв. 7959-7966, л. 1-8; ФО: О.1082, О.1083
- Панкратова, 2018 — Панкратова Е. Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб.; Симферополь: Соло-Рич, 2018. 159 с.
- Петерс, Голенцов, 1981 — Петерс Б. Г., Голенцов А. С. Археологические раскопки в Феодосии в 1975–1977 гг. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 68–72.
- Петрова, 2000 — Петрова Э. Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь: Сонат, 2000. 264 с.
- Тункина, 2011 — Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма: из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Т. 2. Гераклея Понтийская. Керчь; Симферополь: Соло-Рич, 2016. 319 с.
- Rotroff, 1997 — Rotroff S. I. Hellenistic pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1997. 612 p., 106 figs, 147 pls. (The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX).
- Sparkes et al., 1970 — Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1: Text. — pp. iii–382; Part 2: Indexes and Illustrations. — pp. iii–472 (The Athenian Agora. Vol. 12).

New investigations in the neighbouring outskirts of Theodosia

M. M. Akhmadeeva

The article provides the main outcome of the works of the Theodosian Archaeological Expedition of the State Hermitage Museum in 2019. The main task in the research agenda of the expedition is to conduct further examination of the building partly revealed in 1982 during excavations of E. A. Katiushin in the neighbouring outskirts of Theodosia (Fig. 1, 2). The northern part of the big building was discovered during the archaeological excavations in 2019. Its overall dimensions are 16.5 × 5.5 m (Fig. 5). The building functioned during the Late Classical period. The finds that are dated to the period between late 5th–4th century BC prove that. The most notable of these objects are a fragment of a Herakleian amphora neck with the stamp [Ε]πί Δημο / [κρά]τεος Σι(---) (Fig. 3, 1) and a fragment of a tiny Attic black lacquered bowl on a wide tray with stamped palmette ornament and numeral graffito on the external side (Fig. 3, 2). The building had obviously undergone several reconstructions that can hardly be dated at the present time. The destruction of the building happened at the end of the 4th century BC. Its date was identified primarily by the finds of a Bosporan copper hulk of the type “the head of beardless satyr to the right — arrow, gorytos, ΠΑΝ-ΤΙ” of Paerisades I mint (Fig. 4, 5) found below the stone debris that covered the foundations of the walls.